

Вероника ЛЕМ * Иветта ЛИ

ФОКУСНИК

1

КРЕМЛЁВСКАЯ
ЁЛКА

Вероника ЛЕМ

**Фокусник. Книга первая.
Кремлевская елка**

«Издательские решения»

ЛЕМ В.

Фокусник. Книга первая. Кремлевская елка / В. ЛЕМ —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938163-7

Есть особенные преступления, которые выглядят, как хитрый трюк, и раскрыть их может только профессиональный иллюзионист...

ISBN 978-5-44-938163-7

© ЛЕМ В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Максимус	7
Глава 2. Нина	11
Глава 3. Селим	15
Глава 4. Команда	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Фокусник

Книга первая. Кремлевская елка

Вероника ЛЕМ
Иветта ЛИ

Дизайнер обложки Роман Герасимов

© Вероника ЛЕМ, 2019

© Иветта ЛИ, 2019

© Роман Герасимов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-8163-7 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-8303-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

На берегу Москвы-реки напротив Кремля вырастал ледовый городок. Это строили купель для празднования Крещения. Замысел был масштабный – соорудить из льда копию храма: крепкие стены из ледяных блоков накрыть ледовым куполом, внутри оборудовать купели для забора воды и две купальни. Весь городок соединить переходами и арками, а украсить ледяными скульптурами ангелов. Из дерева построить раздевалки и чайный домик, где можно согреться после купания.

Руководил строительством профессиональный архитектор, влюбленный в ледовое зодчество. Начали заранее – в канун Нового года – работы было много, а на Крещение ожидалось лютое морозы. Рабочие споро укладывали ледяные блоки и заливали для прочности водой. Скульпторы, вооружившись пилами, ваяли по эскизам крылатые фигуры. Благое дело привлекло множество добровольных помощников, главное: желание и теплая обувь – работа находилась для всех.

Когда торжественно прорезали крестообразную полынью в толстом речном льду, показалась темная вода. От нее шел пар.

– Эй, там что-то есть! – крикнул кто-то из рабочих.

Сбежалась толпа, и все напряженно вглядывались в полынью. В воде колыбался крупный предмет, похожий на тряпичный тюк. Сообща зацепили его длинным шестом и с трудом вытащили на лед. Тюк оказался телом мужчины. Молодого и недавно красивого. Еще до того, как приехала полиция, стало ясно, что умер неизвестный не оттого, что захлебнулся, и не от холода. На бледном до синевы лбу отчетливо выделялось аккуратное отверстие от пули.

Глава 1. Максимус

За мгновение до выхода на сцену Максимуса переполняют волнение и азарт: тонкие ноздри трепещут, кончики пальцев покалывает. Из-за кулис он оглядывает зрительный зал, замерший в ожидании, делает глубокий вдох и уверенно выходит под яркий свет софитов. На нем безупречный смокинг, темно-красная бабочка и зеркальные туфли. Публика неистово аплодирует. В программе остался финальный эффектный трюк. Прекрасная Соня в сверкающем платье доверчиво протягивает ему тонкие руки, Максимус защелкивает наручники на ее запястьях. Соня поднимается по лесенке на вершину большой призмы, наполненной водой. И немедленно прыгает ногами вниз, погружаясь до дна. Ее роскошные рыжие волосы поднимаются вверх, а изо рта выбегают серебристые пузырьки. Максимус отчетливо видит, как губы Сони шевелятся и складываются в слова. Максимус силится разглядеть и угадать слова, но не может – она говорит на незнакомом языке. Соня умоляюще смотрит на него и протягивает руки, скованные наручниками. В зале слышны крики ужаса, а Максимус все медлит и хочет разобрать речь. Взгляд Сони останавливается, губы застывают полуоткрытыми, пузырьки больше не выходят. Максимус силится подбежать к аквариуму, но его ноги приросли к сцене. Максимус смотрит на ноги и видит бетонный пол, а на ногах цепи.

Максимус резко проснулся в одиночной камере. В его ушах еще звучал собственный истошный крик: «Нет!..» С лязгом откинулась заслонка на двери камеры: заспанное лицо надзирателя перекошено злобой: «Чего орешь, Гудини?»

Делать зарядку рано – жидкий серый свет только начинал просачиваться в камеру через окно. Максимус нащупал под матрасом колоду карт. Стал ее тасовать наощупь, постепенно успокаиваясь. С закрытыми глазами заставил карты порхать в тренированных руках, пустил пружину одной рукой, поймал ее другой. До подъема еще есть время, но заснуть Максимус уже не надеялся. Последние годы сон про гибель Сони приходил нечасто, но надолго выбивал его из колеи.

Тот день стал роковым в его жизни и привел в эту камеру, и постепенно Максимус свыкся с мыслью, что Сони больше нет. Надо только занять руки картами, тогда и мысли подчинялись, дыхание выравнивалось.

Максимус в свои тридцать три года был, пожалуй, самым экзотичным заключенным исторической тюрьмы в центре столицы. Два с половиной века назад Бутырский тюремный замок обозначал границу города, за которой горожане избегали селиться, а теперь оказался окружен жилыми домами, обычной жизнью свободных людей. В нескольких шагах от центральной улицы, в пятидесяти метрах от школы, тюрьма ухитрилась остаться незамеченной. Только дотошный исследователь города мог распознать казенный дом по пыльным оконным стеклам, да чересчур впечатлительный прохожий испытывал неосознанное неприятное чувство, проходя мимо высокой глухой стены. Бывали случаи, что покупатели недвижимости дивились привлекательной цене на жилье в окрестных домах и обнаруживали самовольно заложенные кирпичом оконные проемы. «Неприглядный вид», – уклончиво объясняли хозяева и торопились завершить сделку. Два раза в неделю молчаливая очередь, где большинство женщины, выстраивалась к неприметной железной двери в серой каменной стене. Женщины из очереди прятали глаза от спешащих по своим делам прохожих.

За столетия существования этого мрачного сооружения тут побывали кровавые злодеи, дерзкие бунтовщики, настоящие пропавшие души. Были среди заключенных и невинные жертвы, оговоренные врагами или пострадавшие по недоразумению: из-за продажности адвокатов и судей. Но все были одержимы идеей вырваться наружу. Кроме Максимуса, который,

казалось, не стремился сократить себе срок и все время посвящал тренировкам и продумыванию фокусов.

Мысли унесли Максиму́са далеко, и он запоздало отреагировал на предательски тихий щелчок замка. Утренний обход камер – формальность, если сохранять бдительность и хорошие отношения с надзирателями. Но когда тебя застают с колодой карт в руках, тут мало что поможет. Особенно если смена Кабана. Этот массивный и неповоротливый детина с маленькими злыми глазками и розовой кожей, просвечивающей через редкую белесую щетину, покрывавшую его бритую голову, ненавидел Максиму́са за то, что тот держался с достоинством и пользовался особым вниманием начальника тюрьмы. Увидев карты, он побагровел от возмущения и заорал: «Карты заключенным запрещены! Немедленно сдай!» За годы, проведенные в тюрьме, Максиму́с понял: бесполезно объяснять, что карты для него только реквизит, необходимый тренажер для рук. Играть в азартные игры ему здесь не с кем, поскольку все десять лет он обречен сидеть в одиночной камере. Карты отбирали даже более лояльные к нему надзиратели, не говоря уже о Кабане. Пришлось отдать, скрывая сожаление.

...Таким невозмутимым Максиму́с был не всегда. Когда его только привезли – прямо с представления, во фраке и бабочке, но с сорванной кожей на руках и сломанными ногтями – он не мог найти себе места от шока, метался по общей камере, перепугал сокамерников, не давался врачу, который пришел обработать израненные руки, рвался на волю и на третий день сбежал. Его задержали поблизости от кладбища, где в этот день хоронили Соню. Поместили в тюрьму, но уже в «одиночку» под усиленный контроль. Максиму́с так и не увидел Соню мертвой, не смог с ней проститься. Может из-за этого, его мучали кошмары и изводили мысли о своей вине.

Их с Соней совместная жизнь была бедной на события – бесконечные репетиции, поездки и выступления. Максиму́с был одержим своей работой, фокусами. А Соня была рождена блистать. Ей хотелось развлечений, она заслуживала лучшей судьбы и лучшего мужа.

Если бы он мог узнать, что случилось на самом деле?! Почему многократно отрепетированный трюк дал осечку? И на репетициях, и на публике Соня справлялась с ним легко и безупречно. Риска практически не было.

Тогда, после неудачного побега, Максиму́с замкнулся, погрузился в свои переживания. На встрече с назначенным адвокатом молчал. Тот приходил в отчаяние, безуспешно пытаясь растормошить его, вынудить защищаться. Суд прошел как в тумане. Максиму́с принимал все, что говорил о нем обвинитель. На вопросы судьи отвечал коротко и безразлично: мне нечего добавить.

На суде побег сыграл дурную службу Максиму́су: его признали опасным рецидивистом и он получил максимальный срок – десять лет. Где-то наверху решили, что держать фокусника в СИЗО надежнее, чем рисковать на пересылке, а потом пресекать его трюки в колонии. Невидимые шестеренки пришли в движение и Максиму́са после вынесения приговора оставили в тюрьме, определив в хозяйственный отряд. Но после нескольких фокусов при раздаче еды его перестали вызывать на работу. От греха подальше. Пробовали приставить к уборке, но свободное передвижение иллюзиониста со шваброй по тюрьме страшно нервировало надзирателей и Максиму́са оставили в покое. В одиночной камере под неусыпным надзором.

Слух о побеге фокусника распространился по камерам, оброс фантастическими подробностями. Обнаружились очевидцы, которые видел, как он прошел сквозь стену, другие рас-

сказывали, что на третий день своего пребывания в камере он превратился в сторожевого пса и бежал, но его поймали у самых ворот, потому что на нем не было ошейника.

Вспомнили и давнюю легенду о визите в начале прошлого века в тюрьму Гарри Гудини. Якобы знаменитый американский иллюзионист во время гастролей по Российской империи явился со свитой журналистов и поклонников в тюрьму и бросил вызов коменданту: дескать, сбегу из самой надежной камеры, освобожусь из самых крепких пут. Комендант вызов принял: Гудини сковали наручниками, поместили в арестантский ящик – обитый металлическим листом деревянный сундук для перевозки опасных преступников в Сибирь. Ящик закрыли на замок, для верности придвинули крышкой к стене, заперли камеру и стали ждать. Менее полчаса прошло, камера распахнулась и на пороге стоял Гудини.

Так все было или нет, но когда в стенах тюрьмы появился известный иллюзионист Максимус, настроения среди заключенных стали бродить самые опасные.

В тюрьме о нем ходили легенды. Надзирателей-новичков предупреждали, что ему под силу открыть любые запоры и задушить заснувших на посту. На прогулку его выводили отдельно, объясняя это тем, что он может загипнотизировать других заключенных и наделить их нечеловеческой силой, настроив на бунт. А старожилы говорили, что стрелять в него бесполезно, потому что он ловит пули зубами и сплевывает, как семечки арбуза.

Байки, которые про него рассказывали, были следствием нескольких трюков, которые Максимус провернул, чтобы и охрана, и другие сидельцы держались от него в стороне.

Он потратил три года на то, чтобы обрести доступным комфортом. Ему доставляли книги с воли и раз в неделю еду из городского ресторана. Он носил свою собственную одежду и любимые цветные кеды. Этих кедов на воле у него была целая коллекция. Все эти привилегии он получил за то, развлекал гостей начальника тюрьмы, выступая на его вечеринках.

Когда Максимусу впервые сообщили, что начальник тюрьмы предлагает ему выступить на вечере «для своих», он, не раздумывая, согласился. В накуренной большой комнате собрались усталые мужчины, которые пили виски, расстегнув воротники мундиров. Максимус в казенной одежде и башмаках вышел на импровизированную сцену и завел шуточный диалог с хмурыми мужиками в погонах. Пожаловался на недостаток овощей в тюремном рационе и тесную обувь. Показал несколько фокусов из репертуара уличной магии: позаимствовал несколько огурцов и помидоров со стола, заставив их исчезнуть, продемонстрировал, как форменная фуражка одного из гостей повинуетя его командам как дрессированная собачка, а тяжелые стеклянные стаканы вопреки законам физики висают в воздухе. Ему даже похлопали. Напоследок он продемонстрировал публике свои ноги в живописно рваных носках. Бывалые менты не заметили, как он разулся у них на глазах.

Перед тем как Максимуса вернули в камеру, к нему подошел сам начальник тюрьмы Иван Борисович – заключенные называли его Хозяин, как всех рачительных и в меру жестоких руководителей подобных заведений. Посмотрел тяжелым нетрезвым взглядом и велел обращаться, если что надо.

Впереди было еще семь долгих лет заключения, и Максимус убедил себя, что тюрьма – лучшее место для размышлений. А благотворительные выступления для усталых чинов невысокая плата за покой.

Пятницу Максимус считал для себя особенным днем: в этот день ему доставляли обед из ресторана. Но поскольку сегодня на пятницу выпала смена Кабана, Максимус приготовился к неприятностям. Другие надзиратели относились к Максимусу благосклонно и даже дружелюбно, а Кабан искал способ ему нагадить. Ничего серьезного он сделать не мог, поскольку Максимус пользовался покровительством Хозяина, но в силу своей подлой природы не мог упустить возможность испортить удовольствие.

Максимус был уверен, что обед доставили, как всегда, ровно в два часа дня, но Кабан тянул время, чтобы еда остыла и потеряла часть своей привлекательности. Наконец в пятом часу замок в двери лязгнул, и на пороге возник Кабан, сияя притворной приветливостью: «Кушать подано!» Кабан отвесил шутовской поклон, уронив на цементный пол тщательно сервированную и упакованную еду. Это тупое животное способно было только на такой юмор. Максимус сохранял бесстрастное выражение лица, внутренне настраиваясь на утомительный спектакль. Вряд ли кто-то умел делать это лучше, годы выступлений перед публикой с программой иллюзий и фокусов натренировали его прятать свои эмоции.

Кабан тем временем поднял с пола коробку с едой и водрузил ее на голый стол у стены камеры.

– Ты даже не посмотришь, что прислали тебе твои дружки? – Кабан ехидно скалился. – Ну, если тебе не интересно, посмотрю я.

Кабан вспорол упаковку ножом, достав его из кармана. Этот придурок нарушал внутренний распорядок, держа при себе нож. Это могло стоить жизни ему и кому-нибудь еще, поскольку отнять нож для многих заключенных не составляло труда. Но Максимусу это было не нужно. Единственное, чего ему не хватало, это колоды карт. На блюде из гофрированной фольги появилась аппетитная зажаренная утка, окруженная дольками яблок и апельсинов, пропитанных ароматным утиным жиром. Симметрия блюда слегка нарушилась после падения на пол. По камере пополз запах хорошей еды.

– Ну же, посмотри на нее! Это для президента так готовят! Тебе ее прямо из Кремля прислали? – паясничал Кабан.

Максимус подошел поближе и одной рукой тронул дольку яблока, а другой зашелестел упаковочной бумагой.

– Руки! – заревел Кабан и со всего маху воткнул в утку нож.

Максимус был готов к такому повороту и проворно сложил руки за спиной. Кабан кромсал румяную утку, кроша кости и мясо, и остановился, только когда она превратилась в месиво.

– Ну-ка вывернуть карманы! – зарычал Кабан, дыша на Максимуса дешевой колбасой с чесноком.

Максимус невозмутимо подчинился только прежде молниеносно поправил загнувшийся воротник формы Кабана. Тот даже не успел отреагировать. Обыск ничего не дал. Кабан злобно саданул ногой по столу и, тяжело ступая, разочарованный, двинул к двери камеры. Максимус пропустил его мимо себя и таким же неуловимым змеиным движением провел рукой по воротнику надзирателя сзади. Лязгнула дверь, и в руке у Максимуса осталась слегка промасленная карта туза пик.

На сегодня обошлось. Карта с воли, прибывшая внутри блюда, перекочевала под матрас. Всего тридцать одна неделя, и у Максимуса снова будет полная колода для упражнений. Максимус с сожалением посмотрел на испорченную еду. Полгода, чтобы исправить минутную оплошность, из-за которой Максимус лишился старой колоды.

Он не торопился – времени у него много.

Глава 2. Нина

Нина Лаврентьева быстро шла по пустынному коридору и напряженно думала, зачем ее вызвал к себе Краснов вечером тридцать первого декабря. За пять с половиной лет ее работы в Следственном комитете это был второй случай, когда глава ведомства экстренно требовал явиться ее, рядового следователя. Первый раз, когда убили их сотрудника в подъезде собственного дома и дело получило широкую огласку. Тогда под подозрением оказались многие, в том числе «свои» и расследование было строго засекречено даже внутри ведомства. Второй раз – сейчас. Это не просто вызов.

Худую и подвижную Нину со спины можно было принять за подростка. Особенно сейчас, когда она надела первое, что попало под руку: короткую куртку-бомбер, джинсы, водолазку и ботинки. Но серьезное выражение лица, со сдвинутыми на переносице бровями и сжатыми не улыбкаемыми губами, не покидающее ее при очередном расследовании, делало ее старше своих двадцати восьми. При кажущейся хрупкости двигалась она стремительно, и ее тренированное тело одинаково решительно врезалось в воду при прыжках с вышки и в схватку на тренировках по рукопашному бою.

Виктор Иванович Краснов знал ее с детства. После смерти приемных родителей дядя Витя фактически заменил ей отца. Нина знала, что всегда могла рассчитывать на его помощь. И он действительно часто выручал ее с Варькой.

Нина остановилась перед дверью в приемную Краснова. Она вспомнила, как под Новый год, тот самый, когда она только пришла в Следственный комитет, они с Варькой, завернувшись в теплый плед, сидели у камина на даче Краснова и пили его фирменный чай из шиповника. Двухгодовалая Варька причмокивала от удовольствия. А Краснов в кухонном фартуке с большими нарисованными оранжевыми грушами, надетом поверх делового костюма, разрезал яблочный пирог и повторял Нине свое правило «Трех Н»: «На работе *никогда никому никаких* поблажек». И Нина, появившись в ведомстве, не стала исключением. Он был с ней так же строг, как со всеми остальными сотрудниками: неукоснительно требовал высочайшего качества работы, честного признания ошибок и немедленного их исправления. И прозвище Железный Краснов он получил не за могучее сложение, доставшееся от природы, а за принципиальность и твердость. Встречались они в здании Комитета только на больших совещаниях, куда, помимо начальников отделов, звали рядовых следователей. А в кабинете генерала Краснова Нина бывала всего несколько раз.

«Значит, действительно что-то случилось, – подумала Нина. – Что-то важное», – и зашла в приемную.

Нина пересекла непривычно пустую приемную, где в обычные дни было многолюдно: входили и выходили руководители, звонили телефоны, и направилась прямо в кабинет начальника.

Краснов сидел за столом и подписывал какой-то документ. Ручка тонула в его широкой, как лопата, ладони. На столе, как и в целом в кабинете, был идеальный порядок, неизменный годами: из документов на столе только те, с которыми работает прямо сейчас, после чего они отправляются по назначению. Краснов всегда знал, где находится та или иная вещь, помнил имена всех своих сотрудников и держал в голове номера телефонов. Такой же дисциплины он добивался и от своих сотрудников.

– Заходи Нина, – Краснов поднял голову с седым ежиком волос и на мгновение по-отечески улыбнулся, но сразу принял озабоченный вид.

Нина огляделась. В кабинете появился макет футуристического здания, недавно построенного в Москве. По первому образованию Краснов был архитектором и до сих пор живо интересовался архитектурными новинками. А вот многочисленные пепельницы из кабинета исчезли: Краснов каждый Новый Год бросал курить.

– Вынужден оторвать тебя от праздников. Тут вот какое дело, – Краснов достал из сейфа и протянул Нине серую тонкую папку. – Мальчик исчез. Сын французского посла.

– Похитили? – Нина села на краешек стула и открыла тонкую бумажную канцелярскую папку, в которых обычно заводят дело. По мере расследования эта папка наполнится материалами и разрастется до многочисленных томов. И, возможно, дело раскроют, преступник будет арестован и предстанет перед судом. А сейчас в папке подшиты несколько листочков с показаниями свидетелей и пара фотографий.

– Непонятно, как исчез. Будто фокусник орудовал, – Краснов пожал мощными плечами борца. Он бы с удовольствием вспомнил молодость и подключился к расследованию. Но обязанности, которые накладывала высокая должность, не позволяли. – Ты почитай материалы.

– Хорошо, я сейчас же этим займусь, – Нина подхватила папку и вскочила. – Можно идти?

– Не торопись. Сядь, – Краснов взял в руки лежавший на столе лист бумаги. Нина внимательно слушала его, чтобы не пропустить ни одного слова. Ей казалось, что сейчас решается ее судьба. – Тебе понадобятся люди. Возьми лучших. Человек четырех хватит?

– Кто же мне даст людей? – удивилась Нина.

– Я подписал приказ о твоем назначении начальником отдела спецрасследований. – Он подвинул к Нине документ, который подписывал, когда она вошла.

– Отдел? – Нина была ошарашена новостью.

– Время беспокойное. Преступления стали изощренные. Нам нужен особый отдел. Подумай, кого бы ты хотела взять. Справишься? – Краснов внимательно следил за реакцией Нины.

Он прекрасно знал, что лучшей кандидатуры на должность начальника отдела специальных расследований, чем Нина, быть не может. Нина ответственная, неутомимая, честная и смелая. Она возьмет в свой отдел лучших. Именно тех, кто этого действительно достоин. И нисколько не будет бояться конкуренции. Она сделает все так, как сделал бы сам Краснов. А может быть, еще лучше. Правда, пока Нина приходила в себя от новости, одного человека Краснов все же решил ей посоветовать.

– Если тебе понадобится антрополог, я бы предложил Борю Кононова. Он серьезный ученый, работу совмещает с наукой.

Нина встречалась с Борисом Кононовым только один раз: в очереди в буфете. Он держал поднос с вегетарианскими котлетами и стаканом кефира и, придвинувшись слишком близко, загадочно шепнул: «У вас профиль Нефертити».

Нина не считала себя привлекательной и не верила в искренность таких комплиментов. Будь она чуть менее равнодушна к своей внешности, то с удивлением обнаружила, что красива. У нее были правильные черты лица, густые каштановые волосы, неизменно собранные в пучок, и глубокие, задумчивые карие глаза под прямыми шелковистыми бровями цвета горького шоколада. Но Нина больше времени проводила не перед зеркалом, а в тире, отрабатывая стрельбу: лежа, с колена, с оптическим прицелом, а еще стоя с открытого прицела. И совмещать мушку и мишень ей было привычнее, чем «стрелять» глазами. Нина приняла Бориса за банального ловеласа, но позже узнала, что человеческие лица были его профессиональной страстью. Генерал прав – профессионалом Кононов был отличным.

– Хорошо, я сегодня же с ним поговорю.

Она не была до конца уверена, что поступает правильно, соглашаясь на предложение Краснова. Какой из нее начальник? Да и руководство отделом требует гораздо больше времени, чем работа простого следователя, а Варька и так почти все время проводит с няней и практически не видит мать дома.

Краснов заметил колебания Нины.

– Нина, ты лучший следователь, но я пойму, если ты откажешься.

Краснов знал, на какие слабые места надавить. Нина не привыкла отступать.

– Я согласна, – уже более уверенно сказала Нина.

Но если генерал настоял на своем человеке, Нина решила, что тоже сходу может предложить ему кандидатуру. Она на секунду задумалась. В их ведомстве было несколько человек, с которыми она хотела работать.

– Я бы взяла Таню Горюнову.

Таню она знает давно. С ней в походах они прошли по всему Уралу. И Нина неоднократно убеждалась, что Таня может не только построить маршрут на любой местности, но и успешно выбраться из любого забытого богом уголка.

– А тебе не будет мешать ваша школьная дружба? – хитро прищурился генерал.

– Я с этим разберусь, – решимость Нины росла у генерала на глазах. – И Ваню Токарева, – добавила она.

– Это который поспорил, что может установить жучок на Баффи, балканскую овчарку президента? – до Краснова дошли слухи о пари, заключенном в отделе компьютерщиков.

– Уверена, что Ваня сможет установить жучок где угодно, – серьезно ответила Нина.

– Смотри, только много вольностей ему не позволяй. Ну и надумаешь с четвертым, дай мне знать. Это дело, – Краснов указал на папку в руках Нины – не терпит отлагательств. От него зависит репутация нашего ведомства.

– Конечно, – Нина вскочила, захватила папку и быстрым шагом направилась к двери.

Краснов, посмотрев, как удаляется эта хрупкая девочка, почувствовал угрызения совести. Теперь Нина будет еще меньше времени проводить дома. И Варька будет видеть мать еще реже. Но Нина сама выбрала эту профессию. А в ней не может быть поблажек.

– Ты скажи, что подарить Варьке на Рождество? – Краснов попытался сгладить чрезмерно деловой тон разговора.

Нина сдвинула брови:

– Барби.

Нина быстро вышла из кабинета. Ей было стыдно. Она сказала первое, что пришло на ум. Честно говоря, она и сама еще не задумывалась о подарке дочери.

Придя на рабочее место и заварив себе крепкий кофе, Нина открыла серую папку и начала читать. В двенадцать часов дня няня повела Анри Ксавье, шестилетнего сына французского посла, на детскую площадку. В двенадцать – двадцать два мальчик поднялся по ступенькам на ледяную горку, а вниз не съехал. Фотография горки приложена к делу. Обычная горка. Таких сейчас много в парках. Ступеньки, наверху небольшой домик и съезд. Спрятаться в домике можно, но пропасть? Нина не верила в фокусы. Где теперь этот мальчик? Жив ли он? Счет идет на часы. Кстати, Нина посмотрела на часы. Восемь часов вечера. Дочь ждет ее, чтобы улечься в кровать и послушать сказку. Но сейчас другому ребенку она гораздо нужнее. Она посмотрела на фотографию маленького Анри. На год младше ее Варьки. Теперь Нина была уверена, что правильно согласилась на новое назначение. Она взяла мобильный телефон и набрала номер.

– Галина Николаевна, я задержусь. Укладывайте Варю и побудьте с ней до моего прихода. В крайнем случае можете у нас заночевать.

Садясь в черную «ауди», Краснов посмотрел на окна своего ведомства. Все окна были темные. Горело лишь одно. Руководитель отдела спецрасследований Нина Лаврентьева работала над делом пропавшего сына французского посла.

Глава 3. Селим

Так получилось, что решение ехать в Москву на строительную выставку за Селима Зиани, главу крупного алжирского концерна, приняли другие люди.

Селим посещал выставки по всему миру, но прежде Москву избегал. Восемнадцать лет назад он учился в Советском Союзе на инженера, и у него остались тяжелые воспоминания об этом времени. Его темно-оливковая кожа, курчавые волосы выделялись на фоне серого постсоветского быта и унылого пейзажа, состоящего из гор грязного снега. На последнем курсе он влюбился в свою однокурсницу, генеральскую дочку.

Света была веселой, разбитной девушкой со сливочной кожей и полной, сдобной шеей, пленительно перетекающей в рубенсовские плечи и божественную грудь. Она училась на дизайнера и была центром студенческой компании, которая перемещалась по Москве в поисках вина, танцев и интеллектуальных разговоров.

Света сама поцеловала его на вечеринке в общежитии и осталась на ночь в его комнате в общежитии, которую он делил с Васей, огромным парнем из Тулы. Вася торговал на рынке привезенными из родного города пряниками, на лекциях появлялся нечасто, но слыл за общественика и как-то умудрялся переползть с курса на курс. В их общую с Селимом комнату он приходил под вечер и заваливался спать.

Селим со Светой пробирались на цыпочках и, не включая свет, ныряли под одеяло. Торопливо освобождались от одежды, вышвыривая то свитер, то джинсы, то юбку на пол, жарко возились, сдерживая стоны. Пружины на кровати скрипели. «Устроили африканские страсти!» – ворчал Вася, накрыв голову подушкой.

Наконец Вася шумно вздыхал: «Все! Не могу больше!» – и, схватив подушку и поддерживая длинные семейные трусы, шлепал на холодный и скользкий дерматиновый диван в холле, где он мог выспаться для нового коммерческого дня.

Однажды проснувшись ночью голодными, Селим со Светой тайком распечатали одну из коробок, где Вася хранил товар, и обнаружили вместо тульских пряников металлические детали в оружейном масле. Селим узнал разобранный автомат Калашникова.

Вместе с компанией Селим приходил в дом Светы. Ее семья жила в высотке на Яузе. Там было чопорно и богато: тяжелая дубовая мебель, хрусталь, домработница в белом переднике. Селим стал строить далекие планы. Он пока не говорил об этом Свете, но в его мечтах она приезжала с ним в родной город – древний Аль-Джазаир – белый город на берегу синего Средиземного моря. Селим даже написал отцу, что привезет с собой из России жену с ребенком. В этих розовых грезах Селим жил, пока случайно не услышал слова домработницы: «А Светочка опять негритоса привела? Тьфу, глаза б мои не...»

Родители Светы вмешались запоздало, но действовали решительно и безжалостно. Свете выдвинули ультиматум: «Принесешь черного в подоле – на порог не пустим».

Селима вызвали из общежития и жестоко изметелили какие-то парни. Бритые затылки и спортивная подготовка наводили на подозрение о военной службе. Особенно метили в пах. Пока врачи собирали истерзанное тело Селима, Света сделала аборт и вычеркнула его из своей жизни. Мечты разбились на мелкие кусочки – Селим кое-как закончил институт и на следующий день сразу после получения диплома улетел на родину один.

Дома встретили Селима торжественно: младшие братья и сестры с восторгом и страхом взирали на образованного брата в синтетическом костюме. Тут же на торжественном ужине отец подвел его к важному мужчине и стал расхваливать образование, тряс дипломом.

Господин оказался владельцем строительного концерна. Концерн состоял из трех выдавших виды бульдозеров на заднем дворе его дома и нуждался в главном управляющем, поэтому гость слушал отца Селима внимательно.

Главным сокровищем строительного магната была его дочь Физурда. Физурда по обычаю консервативного юга носила белое покрывало «хаик», закрывавшее ее фигуру до пят, и белый платок «лааджар», расшитый белыми нитками, закрывавший нижнюю часть лица до глаз. Красивых черных глаз.

Родственные связи – главное, поэтому первым делом отец сговорился о свадьбе.

Лицо невесты первый раз Селим увидел во время свадебной церемонии в главной мечети, и хотя ее волосы были наглухо спрятаны под белоснежным хиджабом, она выглядела полуживой от стыда. Селим убедился, что его жена красива как пери, но его сердце осталось спокойным. Свадебное застолье продолжалось весь день, четыре раза звучал азан, призывая на молитву. Физурда по обычаю сменила двенадцать платьев, и поздней ночью довольные гости расходились, унося с собой коробочки со сладостями, которые собственноручно раздала новобрачная.

После брачной ночи Селим переехал к тестю и погрузился в работу. Был неутомим в поиске заказов. Сам управлял бульдозером. Бизнес рос и крепчал, фирма получила подряд на строительство делового центра – здания из стекла и бетона. А когда здание построили, то и Селим переехал в офис с секретаршей.

Покорная Физурда ждала его с работы, накрыв стол, надев лучшие украшения и постелив постель. Но Селим редко спал в супружеской постели, часто оставаясь ночевать прямо в своем кабинете. Света все еще бурлила в его крови. Физурда страдала, что Аллах не давал им детей, корила себя за то, что не смогла раскрыть сердце мужа и все дозволенное время проводила в мечети.

Из заключения вышел родной брат тестя Селима, дядя Физурды, которого все называли Доктор Аббаси за ученость. Доктор Аббаси был влиятельный человек, к нему приходили за советом даже из соседних стран: Катара и Ирана. Говорили, что он был связан с Исламским фронтом спасения, политической организацией, сражающейся за превращение Алжира в исламскую страну, живущую по законам шариата, за что его заключили в тюрьму при прежней власти. Освободившись, Доктор Аббаси сразу отправился в паломничество в Мекку, исполняя данный Аллаху в тюрьме обет. Физурда умолила Селима присоединиться к дяде. Она верила, что Селим сможет умиловать Аллаха, и тот даст им детей.

По дороге в Мекку Селим и Доктор Аббаси пересекли пустыню, вместе совершали намаз и вели беседы. Доктор Аббаси жалел Селима, что у него и племянницы нет детей. Переполненный сочувствием, качал головой: «Зачем быть богатым, если некому оставить состояние? Лучше быть нищим, собирая подаяние, но вырастить сыновей и дочерей, чем заслужить почет, иметь большой красивый дом, полный золота, в котором нет ни сына, ни дочки. Такой человек лишен смысла существования. И он, и память о нем исчезнут, как стирается человеческий след в пустыне».

Доктор Аббаси рассказал Селиму, что двое его сыновей сражались в Исламской армии спасения и отдали жизнь за Аллаха. Он счастлив, что они и заслужили себе место в раю. Осталась младшая дочь Альхан – утешение в старости.

Селим никогда не был религиозным, а веселая юность в Москве привила скепсис ко всякому культу. Но совершая намаз в главной мечети Мекки вместе с сотнями тысяч молящихся мужчин, он почувствовал себя частичкой огромного организма. И в этом организме не было места Свете. Он излечился от любви, осталась только боль и обида.

Селим вернулся из Мекки задумчивый и стал чаще посещать Доктора Аббаси. У того тайно гостили серьезные люди, бородатые, в белых чалмах. Вели долгие разговоры под трубку гашиша, вместе совершали намаз и уходили на рассвете.

Тест с удовольствием передал Селиму фирму, оставив за собой древний черный лимузин и титул почетного председателя совета директоров. Дело в руках прилежного Селима расцвело, появились дочерние компании в крупных городах страны, а потом и за границей.

Селим хотел бы двинуться на Ближний Восток, но Доктор Аббаси присоветовал присмотреться к Европе и обещал помочь с капиталом.

Дочерние компании не могли заменить Селиму дочек, а новые красавцы бизнес-центры – сыновей.

Физурда чахла, блекла и старела. Тогда отец предложил взять ему еще одну жену, дочь Доктора Аббаси. Селим вошел в дом Аббаси и втянулся в посиделки с важными бородатыми гостями, которые приходили ночью и жили по несколько дней в доме при мечети.

Однако Альхан оказалась норовистой: она умело управляла отцом сумела получить образование и теперь не хотела становиться второй женой. Альхан сумела убедить своего отца, что выйдет за Селима только, если врач подтвердит, что будущий муж способен подарить ей детей.

Врач зачитывал Селиму результаты обследования, деликатно пряча глаза: травмы, полученные при избиении в Москве, не позволяют ему стать отцом. За неполноценного мужчину Альхан выходить не хотела, и вопрос о свадьбе отпал, но Доктор Аббаси окружил униженного Селима теплом и заботой. И вскоре сообщил Селиму, что в Алжир тайно приехал важный гость – овеванный легендами воин джихада, и он хочет встретиться с Селимом. Гость был печален, сразу повел разговор, что Европа пьет соки мусульман. Забирает их детей, мусульманские юноши как мотыльки на свет летят, привлекаемые раскованной жизнью, юные девушки теряют стыд и уважение к мужчине. Для мусульманина это высшая доблесть: послужить Аллаху. Серьезные люди заметили Селима и поручают ему важное задание, которое поможет славе Аллаха прогреметь на весь мир. Селиму было сладко отдаться в руки Аллаха и исполнять его волю.

Три месяца Селим провел в учебном лагере в пустыне на границе, где его научили стрелять, уходить от слежки, готовить взрывчатку, изменять внешность, втираться в доверие. Лагерь был скрыт под маскировочной сеткой от самолетов-разведчиков, все ходили с оружием, инструктора говорили на певучем арабском принесенном на крыльях ветра из аравийской пустыни и приходилось тренироваться до седьмого пота. Здесь растравили его раны, взлелеяли обиды, вырастили ненависть.

После возвращения Селим жарко и самозабвенно молился Аллаху вместе с Доктором Аббаси. Тот крепко обнял его: «Аллах любит тебя, ты готов».

Через месяц в Москве открывалась выставка, и Селим поедет туда. И поедет не один.

Глава 4. Команда

Первое совещание нового отдела Нина фактически провалила. По крайней мере, ей так казалось. Она не умела произносить речи и выступать перед публикой. Вчера она была просто хорошим следователем, а сегодня – руководитель отдела. Глядя на своих новых сотрудников, Нина с тоской поняла, что, помимо организационных, у нее появились и другие обязанности: быть примером, вдохновлять, постоянно находиться в центре внимания. Для человека, который всю жизнь предпочитал оставаться в тени, это было непросто.

– Спасибо, что согласились со мной поработать, – начала она, отпив глоток кофе. Взгляды трех человек, лучших специалистов ведомства, были устремлены на нее. – Думаю, нет необходимости представлять вас друг другу. Вы здесь, потому что вы – лучшие в своем деле. И мне нужна ваша помощь.

Нина уже готова была озвучить все немногочисленные имевшиеся к этому моменту факты по делу о пропавшем сыне посла, но, увидев недоумение на лицах, интуитивно сделала паузу.

– Самая лаконичная речь. Рекорд. Но впечатляет почти как Мюнхенская речь президента, – первым нарушил тишину Иван Токарев.

Это был небольшого роста русоволосый мальчишка с оттопыренными ушами. Внешне он скорее напоминал школьника-вундеркинда, нежели сотрудника солидного ведомства, за пять лет работы успешно провернувшего десятки технически сложных операций.

– А кому нужны мотивирующие речи?! В нашем деле слова не главное. Все мы это хорошо знаем. Иногда счет идет на секунды. И эти секунды могут стоить кому-то жизни! – в отличие от Нины, высокая рыжеволосая красотка Татьяна никогда не была против привлечь к себе внимание. Таня, как штурман в незнакомом городе, умела не только провести человека по любой местности и найти выход из любого помещения, но и с блеском выкрутиться из любой ситуации. А заодно и подругу оттуда вытащить.

– Давайте действительно о деле, – Борис Кононов был самым старшим в отделе и самым серьезным. В свои тридцать пять он выглядел лет на сорок. А профессия придавала ему рассудительности. Как хороший антрополог, Борис видел людей насквозь в буквальном смысле: легко «раздевал» внешность от всего наносного, включая грим и пластические операции.

Нина с облегчением перешла к делу. А дело, чем больше она о нем размышляла, казалось ей абсолютно фантастическим. Пока все основывалось на показаниях няни – сорокапятилетней Терезы Дюбуа, которая все время плакала и сбивчиво твердила одно и то же о сверхъестественном исчезновении ребенка. Как будто кто-то ее загипнотизировал. «Мальчик забрался на горку и исчез. Больше его никто не видел». Няня повторяла это снова и снова. Нина была уверена, что с няней что-то не так, но пока не понимала, в чем истинная причина такого странного поведения француженки.

– Давайте по порядку, – спокойно сказал Борис Кононов. – Я составлю описание пропавшего мальчика. Как это ни парадоксально, фотографии не всегда отражают внешность.

– Могу разместить все данные о ребенке в полицейских базах. Социальные сети пока задействовать не будем? Правильно я понял? – подключился Иван.

– Да, соцсети не надо. Утечка может повредить ребенку, – Нине казалось, что каждый из команды лучше нее смог бы руководить отделом и уж, по крайней мере, точно был в состоянии определить сам себе фронт работ.

– Ну вот и хорошо, – словно прочитала ее мысли Таня. – Тогда мы с тобой немедленно отправимся на горку. Как раз в полдень будем там – это ведь время, в которое вчера пропал мальчик?

– Да, именно так, – подтвердила Нина. Ей казалось, что лицо ее горит.

Через пару минут к Нине, готовой ехать с Таней на горку, подошел Борис.

– Возможно, вам с собой пригодится, – он протянул Нине описание пропавшего мальчика. Нина прочитала. Оно было составлено безупречно. Убедившись, что его никто больше не слышит, Борис добавил:

– Знаете Нина, я тут недавно читал речи Линкольна. Вы удивитесь, сколько полезного в них можно почерпнуть.

Он на секунду задумался и подытожил:

– А еще Рузвельт был хорошим оратором, но Черчилль все-таки лучше всех.

Это был один из уютных парков в центре Москвы, неподалеку от французского посольства. Двенадцать часов дня – ровно в это же время вчера няня привела сюда пропавшего ребенка. Яркое солнце, редкое для серого, порабощенного длинной зимой города, слепило детскую площадку. Народу здесь всегда много. А в зимний морозный солнечный день и подавно. Новехонькая ледяная горка красовалась в центре расчищенной от снега площадки и хорошо просматривалась со всех сторон. Разновозрастная детвора облепила горку: толкались в очереди на ступеньках, исчезали из видимости наверху в расписном домике-теремке, и кубарем скатывались вниз. Снова бежали на лестницу. Снова «исчезали», снова скатывались вниз. Нина не раз замечала то же самое за Варькой – дети могут повторять одно и то же тысячу раз и каждый раз получать от этого удовольствие, как в первый. Но с маленьким Анри что—то пошло не так. Нина и Таня под удивленными взглядами детей и родителей поднялись по лестнице и, пригнувшись, попали в теремок.

Наверху был аниматор в костюме леопарда-маскота прошедшей Олимпиады.

Маскот разговаривал с детьми, показывал, как безопасно стартовать с горки, поддерживал робких, урезонивал хулиганов. Его приветливая морда повернулась к Нине и Тане.

– У нас ограничение по росту: до ста пятидесяти сантиметров.

Нина протянула удостоверение в сторону пасти леопарда – именно там скрывались глаза человека внутри костюма. Тот понимающе хмыкнул.

– Вчера вообще горку закрыли, служебная собака все обнюхивала. Пол снимали, – в доказательство своих слов маскот попрыгал на плотно уложенных досках.

– Вы вчера работали? Ничего странного не заметили?

– У нас каждый день все одно и то же.

Маскот повернулся в сторону детей, устроивших кучу-малу, и, изменив голос, прорычал: «Р-ребята, не толкайтесь, пр-пропускайте младших, дер-ржите дистанцию». Те послушались.

– Тут ребенка не спрячешь! Сами смотрите, – леопард вернулся к своим обязанностям.

– Домик как домик. Сколочен из деревянных панелей, – Таня простучала все боковые доски и крышу. Присела на корточки и внимательно осмотрела пол. – Ни двойных стен, ни двойного дна.

– От лестницы до спуска три метра и сантиметров двадцать, – Нина промерила шагами проход. – Скрыться из виду здесь можно, но деться абсолютно некуда.

Делать на горке больше было нечего. А на лестнице уже собрались дети, красноречиво поглядывая на взрослых и ожидая, когда они уйдут.

– Варианта два, – заключила Таня, – либо съехать с горки, либо вернуться на лестницу и по ней спуститься вниз.

Девушки посмотрели друг на друга, словно выбирая, какой их двух путей проще.

– Предлагаю не идти против движения, – и Таня первой скатилась с горки. Нине ничего не оставалось, как последовать за ней. Последний раз она вот так каталась с горки лет пятнадцать назад.

– Кстати, я не сильно выступила во время собрания? – спросила Таня, дождавшись, пока подруга съедет вниз, и отряхивая брюки от снега.

– Наоборот, отлично, Тань. Ты будешь говорить у нас речи, – поднимаясь со снега, успокоила ее Нина.

Нина еще раз внимательно осмотрела детскую площадку. Камер видеонаблюдения поблизости было две. Установлены у входа в парк и в кафе неподалеку. Горка попадает в поле видимости обеих. Но, как следовало из предварительного отчета оперативников, который передал ей Краснов, ни одна из камер вчера днем не работала. Отключили электричество. Опыт подсказывал Нине, что это сомнительное совпадение, скорее преступники постарались не оставить следов. Видеозапись сейчас могла бы хоть что-то прояснить из загадочных событий вчерашнего дня.

Нина обратила внимание на зрелую ухоженную женщину, которая подошла к горке и сделала пару кадров на свой мобильный телефон.

А что если и вчера она вот так же снимала своего ребенка на фото или видео? И в кадр попал Анри? Это был шанс один из тысячи, но сейчас это был их единственный шанс.

Нина и Таня подошли к женщине, представились и показали служебные удостоверения.

– Вы, наверное, бабушка того милого мальчугана, – начала Нина, указав на мальчика лет пяти.

Женщина оказалась его мамой. Заметно было, что она многого достигла в жизни и теперь с удовольствием растворялась в заботах о позднем ребенке, от которого не отходила ни на шаг.

– Скажите, вчера вы тоже снимали своего мальчика на горке? – Нина была почти уверена в ответе.

– Конечно, это мгновения, которые никогда больше не повторятся.

Женщина с гордостью показала вчерашние фотографии. На посторонний взгляд, они практически ничем не отличались от сегодняшних. Но на одной из них Нина разглядела Анри. Он подходил к горке.

– Вот что, Таня, – сказала Нина, отведя подругу в сторону. – Срочно вызывай сюда Ивана. Найдите всех, кто гулял на площадке вчера в это же время. Возможно, кто-то еще делал фотографии, а еще лучше, если снимал на видео. В конце концов, родители или няни наверняка гуляют с детьми в одно и то же время. Это огромная работа, но надо попытаться.

А Нине было пора познакомиться с месье и мадам Ксавье и лично задать вопросы няне Терезе Дюбуа.

В резиденцию французского посла Нина взяла с собой Бориса Кононова. Она хотела думать, что причина в том, что он свободно говорил на четырех европейских языках, в том числе на французском, а не в том, что ей было с ним комфортно. Она все еще была признательна ему за ненавязчивую поддержку на первом собрании отдела. Сама Нина сносно объяснялась по-английски, но предпочла иметь под рукой франкоязычного Бориса.

Их ждали: мадам Софи Ксавье – жена посла – и сам посол Жак Ксавье. Мадам выглядела как истинная француженка: подтянутая фигура, безупречная одежда, светлые волосы маскируют раннюю седину, а гладкое лицо с актуальной «голой» косметикой не позволяет угадать возраст. На улице бы она надела солнечные очки и сошла бы за кинозвезду, путешествующую инкогнито. Но в комнате даже с опущенными итальянскими шторами была заметна припухлость и краснота глаз. Мадам Софи провела бессонную ночь. Месье Жак, высокий сухощавый щеголь, выглядел хладнокровным и любезным, как и положено дипломату, но то, что он отвлекся от важных государственных дел и лично принял посетителей, красноречиво свидетельствовало о его неподдельной тревоге.

Нина, как старшая по званию, представилась сама и представила Бориса. Это расходилось со светским этикетом, но посол с женой не настроены были к излишним церемониям.

– Вы что-то узнали? – мадам Софи с надеждой всматривалась в лица посетителей. Мадам говорила хоть и с заметным акцентом, но на правильном русском.

– Я глубоко признателен месье Краснову, что он взял дело на особый контроль. Сразу скажу, мы с женой готовы на все, чтобы вернуть сына. Говорите с нами откровенно, – присоединился к словам жены посол.

– Чаще всего людей похищают по трем причинам – это обогащение, политика и месть, – начала Нина.

– Вы не упомянули преступления на... сексуальной почве. Вы исключаете это? – мадам Софи со всех сил старалась держать себя в руках.

– Мы рассматриваем все версии, но то, что здесь замешан маньяк, представляется маловероятным. Кроме того, мы ведем наблюдение за большинством лиц с подобными отклонениями в городе. Ваше общественное положение является более вероятной версией.

Мадам Ксавье с облегчением выдохнула и в поисках поддержки посмотрела на мужа. Нина тщательно контролировала каждое свое слово. Она помнила об ответственности, которая лежала на ней. Правда была в том, что они не были ни в чем уверены, но показывать это обеспокоенным родителям, да еще принадлежащим к европейской дипломатической элите, недопустимо. Нина продолжила:

– Вы подозреваете кого-то, господин посол?

– У меня нет личных врагов. Но я государственный человек и уязвим, поскольку представляю интересы своей страны.

– Понимаю, – кивнула Нина. – Вы думали о том, что преступники могут потребовать от вас серьезных уступок? – Нина ступала по тонкому льду, но ей необходимо было понимать, как поведет себя посол в ситуации морального выбора. Посол гордо выпрямился:

– Я не позволю себя шантажировать. Я допускаю, что мне придется подать в отставку. Министру иностранных дел Франции ситуация известна.

Сцепленные руки мадам Ксавье побелели. Она с нескрываемым страданием посмотрела на мужа:

– Мы говорим о жизни нашего ребенка!

Посол успокаивающе положил ей руку на плечо, но она не откликнулась на его жест. Нина про себя отметила этот инцидент и продолжала:

– Обычно похитители выходят на связь в течение суток-двух. За это время они прячут похищенного в надежное место, замечают следы и дают родственникам время впасть в панику, что делает их психологически податливыми. Чаще всего звонят на телефон или подбрасывают послание. Сегодня в полдень истекли сутки. Наш сотрудник будет постоянно дежурить у вас в посольстве.

Посол отреагировал холодно:

– В этом нет необходимости. Я немедленно свяжусь с вами, если... – он бросил взгляд на вздрогнувшую жену и поправился: – Как только похитители выйдут на связь.

Нина приняла отказ с пониманием:

– Я на связи круглосуточно. Также я оставлю вам телефон оперативного дежурного, который поднимает тревогу в течение пятнадцати секунд. Наше расследование пока недостаточно продвинулось, потому что остается не до конца ясным способ, как пропал Анри. Нам надо поговорить с главным свидетелем. Его няней. Мадмуазель Тереза, так?

Мадам Софи Ксавье кивнула.

– Как давно она работает у вас? – поинтересовалась Нина.

– Она нянчит Анри с года. Тереза предана семье, и у нее великолепные рекомендации, – горячо заверила мадам Софи.

– Позвольте нам с ней поговорить? – находясь на территории посольства, Нина не могла ни на чем настаивать.

– Конечно, только она не говорит по-русски, – предупредила мадам Ксавье.

– Ничего страшного, я буду переводить, – включился Борис на безупречном французском.

– Я хочу присутствовать, – мадам Софи, судя по всему, извелась в неизвестности, и ей было важно, чтобы рядом были люди.

– Я прошу вас отказаться от этого, мадам, – мягко возразила Нина. – Возможно, Тереза расскажет нам что-то важное, что не хотела бы говорить в присутствии хозяйки. А эта информация жизненно важна для расследования. Я обещаю вам, что все новости о ребенке вы узнаете первыми.

Мадам Софи кивком головы выразила согласие и поднялась:

– Я вернусь, когда Вы завершите разговор с Терезой.

Тереза оказалась приятной шатенкой с черными глазами и непокорными кудрями. Безупречно воспитанная зрелая дама, она сохранила порывистость и непринужденность девочки. Нина поймала себя на мысли, что нанять такую няню она сама посчитала бы большой удачей.

Увидев посетителей, она сразу разразилась слезами. Похоже, Тереза поджидала за дверьми, подслушивая разговор. Нина усомнилась, что няня не понимает русского языка.

– Бедный маленький Анри, я никогда себе не прощу! – ее раскаяние было искренним.

Борис переводил слова Терезы, сочувственно кивая. Нина отметила про себя, что Тереза понравилась Борису.

– Скажите, знал ли ребенок, что нельзя разговаривать с незнакомцами? Мог ли он по своей воле пойти с чужим человеком?

Нина не исключала варианта, что мальчика кто-то увел с горки, а няня этого не заметила.

– Анри любопытен, доверчив. Его так легко обмануть. Но он понимает только французский.

– Расскажите, пожалуйста, еще раз, что произошло вчера утром...

Тереза слово в слово повторила свой фантастический рассказ про то, как маленький Анри обожал кататься с большой ледовой горки в парке, как он в четвертый раз поднимался по ступенькам, а Тереза не выпускала из виду его красную курточку и шапку-петушок, как ждала внизу, где копошатся в общей куче съехавшие с горки детишки. И, наконец, как, не дождавшись, побежала проверить, почему он задержался, поднялась по ступенькам и не нашла его наверху. Побежала вниз. И снова искала его и звала по имени. Но мальчика нигде не было. К концу рассказа няня совсем разрыдалась, ее щеки пылали, глаза блестели от возбуждения, и говорила она быстро и сбивчиво. Борис переводил безупречно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.